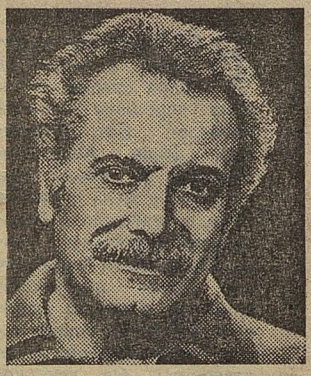
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. МОСКВА
2207
15
11 НОЯ 1981

ПАМЯТИ БРАССЕНСА



Во Франции скончался Жорж Брассенс.

Для французского искусства — это эпоха. Во Франции его знали все. За ее пределами — многие. У нас — узкий круг. Мы, к сожалению, не успели по-настоящему перевести на русский язык его почти непереводимые стихи. Я, наверное, виноват в этом больше других.

В сверкающей плеяде французских шансонье этот сын провинциального каменщика стоял несколько особняком. Ему были чужды почти обязательные принадлежности современной эстрады: оркестр, световые эффекты, театральная жестикуляция, броский наряд, пафос...

Скромный костюм, гитара, приглушенный баритон, полупение, словно для самого себя, — и все это ради стихов, их смысла, все для доверительной беседы, будто нет многотысячного зала, ловящего, запоминающего каждое его слово.

Однажды мне посчастливилось познакомиться с ним. Он пригласил меня на свое выступление в зале Трокадеро. Я приехал туда к самому началу, не предполагая, что удастся с ним поговорить. Оказалось, он ждал. Мы встретились за кулисами, в маленькой артистической. Невысокий, широкоплечий, кареглазый, проницательный. Седеющие усы, трубка, застенчивая улыбка. Такой, каким я уже видел его в фильме Рене Клера «Сиреневые ворота», где он и играл самого себя, и пел свои песни.

Я робел, он это почувствовал. Мы говорили одно мгновение: заливались последние звонки. Затем я сидел перед сценой, волнуясь, как и весь переполненный зал, и ждал праздника. Это действительно был праздник поэзии, отменного вкуса, человеческого обаяния и высокой простоты.

Он вышел на громадную эстраду... Даже не раскланивался, несмотря на овации. Одна нога — на стул, пригнулся к гитаре и тихо запел. Знакомую песню узнали, аплодисменты усилились. Внезапно наступила тишина. И был только он. Спел, медленно прошел в глубину сцены, отпил глоток воды, медленно вернулся, нога — на стул, и — следующая песня, встреченная ликованием.

Попавший в Париж лишь в восемнадцать лет, он был рожден Парижем. Он узнал его, любил, страдал с ним и праздновал, он проникся им, и с первых стихотворных опытов, начавшихся в цехах завода «Рено», до последней строки — все было создано Парижем и отдано ему же.

Он поздно вышел на эстраду, и не все в литературной судьбе его было просто, и признание пришло не сразу. В 1952 году его, тридцатилетнего поэта, с трудом уговорили выступить перед слушателями. Свершилось. Но широкая публика долгое время принимала его с опаской. В нем было много непривычного. Его поэзия казалась грубоватой, расхожий, уличный жаргон резал слух. Он был насмешлив и антибуржуазен, а пренебрежение к мещанству и материальным благам было для него не просто риторическим изыском, а сутью; герои его стихов не старались понравиться, да и сам он не пытался никому угождать.

Трудно и постепенно покорял он Париж, но это совершалось с каждым новым стихом... Внезапно за грубоватостью разглядели нежность, узнали самих себя, достойных осмеяния и уважения; культ женщины, который он проповедовал, оказался не поэтическим чудачеством, а реальной необходимостью. Не было ни потаскушек, ни великосветских дам, ни фабричных девчонок, ни интеллектуалок. Была Женщина. Возвращалось почти утраченное. Его мир был тревожным и отнюдь не безоблачным, но таков был мир вообще и мир Парижа в частности. И воздух...

Он писал музыку к своим стихам и к стихам своих великих предшественников — Вийона, Корнеля, Ламартина, Гюго, Аполлинера. Диски с записями его песен начали широко расходиться по белому свету. В 1954 и 1964 годах они получали Гран-при, а в 1967 году Французская Академия присудила ему Гран-при за поэтическое творчество.

Умер Брассенс — сын каменщика. Жизнь продолжается. Она чревата новыми открытиями. И пусть мое краткое слово о нем звучит не за упокой, а во славу поющего поэта и музыканта.

Булат ОКУДЖАВА